

— Угу, думаю об одном деле. Ц-ц-ц.

Малыш протянул руку и поманил пальцем. Большая желтая собака у ног Тан Улэ завиляла хвостом и подбежала к нему, принявшись крутиться вокруг.

Тан Улэ, скрестив руки на груди, усмехнулся:

— А-Хуан всегда к тебе неравнодушен. Хватит думать, ступай спать. Эти два дня в крепости гостит посторонний человек, будь поаккуратнее.

— Из Усадьбы Скрытого Меча? — Малыш вспомнил улыбку Е Вэньтао. И почему это лицо, прежде казавшееся таким раздражающим, теперь кажется столь родным? К тому же, надо признать, этот Е Вэньтао довольно хорош собой.

Малыш неловко почесал нос и тихонько пробормотал:

— Вообще-то, по-моему, они неплохие люди...

— Чё? Неплохие?

Тан Улэ, хоть тот и говорил тихо, расслышал каждое слово:

— Ты это брось, парень, говорю тебе: не будь таким наивным. Во всяком случае, меня их золотистые наряды просто глаза режут — словно без слов кричат: «Эй, я богат, у меня настолько много денег, что больше ничего нет, ну-ка давай грабь меня!». Такие заносчивые, будто пуп земли. Я решил приучить А-Хуана грызть всё золотистое, чтобы выпустить пар. Ишь возомнили о себе неизвестно что!

— Хм.

Малыш тихонько усмехнулся. Если бы Е Вэньтао сейчас находился здесь, он бы наверняка вытаращил глаза: надо же, этот негодяй тоже умеет так улыбаться! Широко раскрытые глаза, а когда улыбается — загляденье просто.

А вот кто сейчас действительно вытаращил глаза, так это Тан Улэ. Помилуй бог, прошло уже года два, с каких пор этот угрюмый парень не улыбался так безмятежно?

— Брат Улэ, я хочу вступить в Зал Жатвы и поучиться боевым искусствам.

Фраза прозвучала настолько неожиданно, что Тан Улэ на мгновение остолбенел:

— Малец, ты что сказал? В Зал Жатвы?

Малыш в ту же секунду вернул себе ледяное выражение лица:

— Угу.

Лицо Тан Улэ посерьезнело:

— Если хочешь учиться боевым искусствам, дяди и старшие товарищи — к твоим услугам, выбирай любого наставника. В Зале Жатвы тяжело, тебе ни к чему себя истязать.

Малыш покачал головой:

— Брат, я знаю, что все любят меня, и понимаю: это из-за отца. Только строгая дисциплина Зала Жатвы сможет меня обуздать. Если ты переживаешь, я буду просто учиться боевым искусствам, не становясь профессиональным убийцей. Точно так же, как ты, брат: убийства и выполнение заданий — это у тебя на втором плане, верно?

Брови Тан Улэ по-прежнему были сдвинуты, но Малыш поставил точку в разговоре:

— На этот раз я пойду несмотря ни на что.

Это было твердое «пойду», а не просто размышления.

Эти два года Малыш прожил полуживым-полумертвым, и Тан Улэ очень тревожился. Но в то же время его радовало, что тот ничего не делает, а просто принимает всеобщую заботу — в этом не было ничего плохого. Теперь же он, казалось, внезапно всё понял и вернулся к прежнему усердию в боевых искусствах, к стремлению преуспеть во всем.

Стоило бы порадоваться за него. Но когда младший брат внезапно взрослеет, старшему брату неизменно становится как-то пусто на душе. Эх, судя по всему, единственной, кто по-прежнему хочет липнуть к нему, осталась сестрица Сяо Вань.

Тан Улэ вздохнул, похлопал его по плечу:

— Ладно, раз братишка твердо решил идти, брат поддерживает! Старейшину надо будет поставить в известность. Но запомни одну вещь: мы относимся к тебе хорошо вовсе не только из-за твоего отца. Братишка, даже не думай говорить глупости, а то брату станет больно.

— Это я виноват, проси у брата прощения.

Всё то, как Тан Улэ и другие братья относились к нему эти два года, он хранил в сердце. И хотя они не были связаны кровными узами, это мало чем отличалось от родных братьев.

— Славный малый. Возвращайся спать, я провожу тебя немного по пути.

— Идет.

Пройдя несколько шагов, Малыш обернулся и посмотрел на подножие горы. В сплошной тьме ничего нельзя было разобрать, лишь изредка мерцали редкие огоньки, словно звезды, отчего ночное небо казалось еще прекраснее. Он тихо пробормотал себе под нос:

— Е Вэньтао... Тан Уянь. Меня зовут Тан Уянь.

Время — безжалостный мясник, но к Е Вэньтао это изречение пока не имело никакого отношения. Если бы он был нефритом, годы стали бы точильным камнем, отполировавшим этот нефрит до ослепительного блеска. Двадцатилетний парень на пути в особняк генерала легко отмахивался от полных страсти нежных взглядов девушек всех возрастов, неся в руке сосуд с вином.

Особняк генерала был соединен с тренировочным плацем, внутри располагался полноценный военный лагерь, устроенный по всем правилам армейского дела. Не успел он сделать и двух шагов, как мощные, слаженные крики солдат, занимавшихся на плаце, стихли — судя по всему, тренировка подошла к концу.

Солдаты только что закончили упражнения, и генерал на возвышении, с первого же взгляда заметив вошедшего, приподнял бровь с усмешкой и кивнул в сторону тыла. Вошедший сразу всё понял и уверенно направился в задние шатры. Стражники у ворот лагеря даже не пытались его остановить. Почему? Да потому что свой человек!

Е Вэньтао приподнял полог и вошел внутрь. На столике лежала раскрытая книга по военному делу, свеча в подсвечнике сгорела дотла, а стеарин перелился через край чашечки и застыл на ножке — было очевидно, что хозяин шатра усердно занимался при свечах глубокой ночью.

Е Вэньтао невольно усмехнулся:

— Надо же, этот дикарь тоже взялся за ум.

— Я вообще-то не первый день прилежен, — позади кто-то откинул полог и вошел, забирая у Е Вэньтао сосуд с вином. — Ты что, только меня узнал?

Этим человеком был не кто иной, как Ян Чэн. Нынешний Ян Чэн уже не был тем прямолинейным, неоттесанным юнцом, который умел только искать драки. Военная форма не могла скрыть силу его крепкого тела, спина держалась с гордой прямотой, а прежняя налёт

удали смягчился, превратившись в уверенную и мощную властность. Генерал из Ян Чэна получился поистине образцовый.

Новички в армии до безумия боготворили своего генерала: красив, силен в боевых искусствах, а главное — верен товарищам, держится просто и без напускной важности. Сравнивая его с высокомерными донельзя генералами из Шэньцэ, они сразу видели разницу в благородстве духа!

Однако те, кто знал его близко, понимали: этот генерал слегка с придурью.

Сбив глиняную замазку и приняхавшись, Ян Чэн не удержался от восхищенного вздоха:

— Ого! Выдержанное «Цзюнь Ньюхун»! Ему лет двадцать, не меньше?

— А ты разбираешься, — Е Вэньтао сел напротив него. — Глиняный кувшин двадцатилетней выдержки, еле добыл всего один.

— Хех, всё-таки помнишь о моем вкусе!

В армии не водилось изящных кубков и чашечек для дегустации вина, поэтому Ян Чэн взял две большие пиалы и наполнил их доверху.

Е Вэньтао приподнял бровь:

— Вещь знатная, не жалко сразу выпить?

— Мне скоро сниматься с лагеря и выступать в поход. — Ян Чэн опустил кувшин и сделал первый глоток: густой аромат, крепкий вкус — поистине превосходное вино! — Генерал ЦАО разослал во все гарнизоны депеши, да и от Союза Благородства пришли вести. Новобранцы обучены более-менее, пора выдвигаться в центральные районы. Там и Тяньцэ, и Союз Благородства — места, где удобно вести дела.

Е Вэньтао кивнул в знак понимания:

— Тогда я как раз вовремя, как раз успел проводить тебя в дорогу.

Он поднял пиалу и залпом осушил ее. Ян Чэн рассмеялся и тоже пустил в ход свою пиалу со звучным бульканьем.

— Письмо от Союза Благородства принес Шуи. Считай, что его назначили моим помощником. Я разрываюсь между Тяньцэ и Союзом Благородства, а с помощью Шуи на стороне Союза мне

станет намного легче.

Полное имя Шуи — Вэнь Шуи. Он был учеником Цюньян, человеком Союза Благородства и первым другом, которого Ян Чэн завел после вступления в Союз. В то время Ян Чэн, полный юношеского задора, разогнал целую шайку разбойников, а нескольких сбежавших перехватил Вэнь Шуи. Пусть Вэнь Шуи и казался изысканным и учтивым, мечом он владел превосходно, нередко сходилась с Е Вэньтао в спаррингах и был одним из тех немногих друзей, чей характер пришелся Е Вэньтао по душе.

Вэнь Шуи обладал правильными моральными устоями, но не был фанатичным. Больше одного раза он звал Е Вэньтао присоединиться к Союзу Благородства, считая, что тот обладает талантом и не должен растрачивать его попусту. Е Вэньтао неизменно отшучивался: как же хорошо жить на свободе, а стоит погрязнуть в служебных делах — и с места не сдвинешься.

— Шуи приехал? Тогда зови его пить вино вместе.

Осушив еще одну пиалу прекрасного вина, Ян Чэн покачал головой:

— Ушел с раннего утра, наверняка отправился припасы докупать, готовиться в дорогу. Кстати, взгляни-ка на это.

Ян Чэн отошел в сторону, порылся в вещах, достал маленькую коробочку и протянул ее Е Вэньтао с сияющей улыбкой:

— Открой, посмотри!

Самая обычная деревянная коробочка с естественным текстурным узором дерева, без каких-либо изысков, крышка крепилась прямо к корпусу. Е Вэньтао повертел ее в руках и откинул крышку. Оттуда с пружинящим звуком выскочила какая-то вещица — маленький фарфоровый пупс, у которого ручки были подвижными и забавно тряслись и покачивались на пружинке, торчавшей снизу. Куколка была выполнена изящно, выражение лица — передано с поразительной точностью.

— Хе-хе, мило, правда? — похвастался Ян Чэн. — Я наткнулся на нее позавчера, когда гулял... то есть, когда патрулировал улицы! Пусть куплено на уличном лотке, но до чего же занятная штука. Отвези ее Сяо Лаун, пусть порадует девочку. Больше ничего путного я преподнести не могу, да и золота с серебром у вас в роду и так хватает.

Е Вэньтао повеселел:

— Сяо Лань обожает всякие интересные штучки, она точно будет рада.

В свое время Е Вэньтао действительно угадал: Е Цюй выносила и родила девочку, удовлетворив

тайную страсть всех членов семьи к маленьким милым девочкам. Малышку называли Е Сяолань, сейчас ей почти восемь лет, она живая, прелестная и всеми любимая, и хотя совсем еще кроха, уже проглядывали черты будущей красавицы. Каждый раз, видя маленькую лоли, Ян Чэн до слез сокрушался, почему он не родился на десять лет позже. Е Вэньтао отмахивался от него: да ты хоть на сто лет позже родись, все равно не исправишься, а ну-ка держись подальше от моей милой сестренки!

Ян Чэн вытащил еще и тоненький серебряный браслетик — простого фасона, но с красивым узором и двумя маленькими бубенчиками, которые издавали звонкий, чистый и очень милый перезвон. Он сунул его в придачу Е Вэньтао:

— Раз уж я ухожу в поход, неизвестно, когда вернусь. Нельзя же допустить, чтобы сестренка забыла меня! Если к нужному возрасту девчушка не встретит подходящего паренька, она вполне сможет рассмотреть мою кандидатуру.

Е Вэньтао улыбнулся. И впрямь, спокойным денькам осталось недолго длиться. ЦАО Сюэян обладала острым умом, потому-то и стягивала войска, тайком готовясь к худшему. Пройдет совсем немного времени, и в Великой Тан переменится погода: пусть небо еще прояснится, но этот ливневый шторм шел слишком долго.

Сам он был человеком из Скрытого Меча. Пока копыта мятежной конницы не топтали порог усадьбы, а Цзяньху держался в стороне от храмовников, говоря начистоту, война его касалась мало. Богатств Скрытого Меча с лихвой хватило бы на то, чтобы не дать умереть с голоду кучке молодых господ и барышень. Но с Ян Чэном дело обстояло иначе: став генералом, он был обязан бросаться туда, где вспыхивали мятежи. Другие стремятся держаться от опасности подальше, а им положено идти в самую гущу.

При этой мысли Е Вэньтао на миг погрузился в задумчивость. Ущерб, который принесет Тяньцэ Мятеж Ань Лушаня, невозможно было измерить, и бесчисленное множество преданных родине воинов найдет свою смерть на поле боя, завернувшись в конские шкуры. Е Вэньтао не доводилось участвовать в войнах, но такое жестокое кровопролитие не составляло труда вообразить.

— Тогда тебе обязательно нужно вернуться до того, как Сяо Лань вырастет.

Ян Чэн моргнул. При нормальных обстоятельствах Е Вэньтао придумал бы тысячу способов выставить его на посмеище или напрямую с шуткой обругать — это он еще мог представить. Но сегодня что, солнце взошло на западе?

Впрочем, раз уж Ян Чэн дослужился до генерала, он вовсе не был полным кру круглым дураком и понимал: Е Вэньтао наверняка тоже учуял неладное. Если бы всё шло тихо и мирно, с какой стати ему отправляться в центр страны на дежурство? Тревожное предчувствие уже давно исподволь витало в воздухе Тяньцэ, и во что это выльется в будущем — предсказать не брался никто. Оставалось лишь ошеломленно бросить в ответ:

— Угу.

Пока они беседовали, вернулся Вэнь Шуи. Увидев Е Вэньтао, он на секунду замер, после чего почтительно кивнул:

— Молодой господин Е, давно не виделись.

— Эх, Шуи, ты всё так же холоден и официален, моему бедному сердцу больно.

— Брось ты, — Ян Чэн хлопнул Е Вэньтао по плечу. — Сам же знаешь, какой он. Меня до сих пор величает исключительно генерал Ян, аж коробит!

Они молча сменили тему — от прежней атмосферы остался какой-то неприятный осадок. Они пригласили Вэнь Шуи сесть и выпить вместе.

Вэнь Шуи не отличался фанатичностью, но был излишне строг и сух. Человек холодный и отстраненный, как выражался Е Вэньтао — вылитый снежный ком с вершины горы Цюньян.

Е Вэньтао усадил его рядом и поднял пиалу за здоровье:

— После этого расставания о нашем прямолинейном и неотесанном генерале придется заботиться тебе. Ты не смотри, что перед солдатами он такой грозный, стоит ему закрутиться в делах — и он без понятия, куда задевал собственные носки.

Ян Чэн поспешно толкнул Е Вэньтао локтиком в бок:

— Эй, брат, оставь мне хоть капельку лица!

Вэнь Шуи тихо рассмеялся:

— Само собой. Что же до поисков носков, то здесь бедный даос, увы, ничем помочь не сможет.

Ян Чэн поспешил оправдаться:

— Шуи, ты не слушай его бредни, с чего бы мне разбрасывать носки? Я просто забываю, куда их положил!

Е Вэньтао потерял дар речи:

— Есть разница?

Ян Чэн заявил с полнейшей уверенностью:

— Забыл и раскидал — это две совершенно разные вещи!

Втроем они, шутя и переговариваясь, просидели до тех пор, пока луна не поднялась над самыми ветвями деревьев. Головой Вэнь Шуи не вышел, пил мало, так что большая часть огромного сосуда досталась на долю Е Вэньтао и Ян Чэна. Поздний час заставил Е Вэньтао распрощаться с обоими товарищами. Он отправился к причалу, нанял лодку и поплыл обратно в Скрытый Меч.

Глядя на неспешную гладь Западного озера, Е Вэньтао вдруг усмехнулся:

— Лодочник, найдется ли у тебя какая-нибудь мелочь вроде винной чарочки?

Лодочник покачал головой:

— Господин, у нас крошечная лодочка для переправы, зарабатываем на времени, откуда взяться винной утвари? Зато есть леденцы, припасенные для детей, чтобы зубы чесать — не желаете ли парочку, чтоб сбить охоту?

Это было сказано в шутку, но Е Вэньтао кивнул:

— Давай.

Лодочник опешил: неужели этот господин и впрямь проголодался? Тем не менее, он молча стянул с пояса кошель и швырнул его назад — внутри лежали те самые леденцы. Едва он бросил кошель, как навстречу ему что-то полетело из темноты. Лодочник машинально протянул руку и поймал предмет, с недоумением разглядывая его: к его величайшему изумлению, это оказались чистейшие серебряные монеты!

Е Вэньтао, не сводя глаз с водной глади, произнес:

— Я покупаю твои леденцы.

Лодочник расплылся в улыбке:

— Ой, господин, да на эти деньги можно весь лоток со сладостями скупить!

Будучи человеком честным, он добавил:

— Пара леденцов гроша ломаного не стоит, серебро я взять не могу.

— Оставь себе, сочти за плату за испуг.

Е Вэньтао распустил шнурок кошелька и вытащил несколько леденцов:

— Добрались до Западного озера, а спокойно доехать так и не дадут.

Лодочник ничего не понял, но тут Е Вэньтао резким взмахом руки метнул леденцы прямо в водную гладь со звуком «хлёсь». Лодочник подумал, что тот развлекается, пуская «блинчики», но леденцы пробили водную гладь и ушли под воду, взметнув фонтан брызг. Пораженный лодочник опешил: с чего бы простому леденцу поднять такой водяной столб? Промышляя ремеслом на воде, он сообразил мгновенно: под водой кто-то есть!

И впрямь, после нескольких булькающих пузырей на поверхность всплыло нечто. И это была не крупная рыба — человек!

Е Вэньтао выразился предельно точно, лодочник и вправду перепугался не на шутку: вода вокруг всплывшего тела постепенно окрашивалась в багровый цвет, после чего человек уткнулся лицом в воду и затих. Ночное зрение у лодочника было отменным, и он разглядел, что леденцы, брошенные Е Вэньтао мгновение назад, насквозь пробили череп тому несчастному!

Лодочника прошиб холодный пот, но Е Вэньтао невозмутимо бросил:

— Продолжай грести, не бойсь.

Лодочнику оставалось лишь кивнуть и налечь на весла изо всех сил. Человеку, промышлявшему у берегов Западного озера, не составляло труда признать в пассажире ученика Скрытого Меча. Он про себя лишь сокрушался о невезении — вляпаться же в такую историю! — и одновременно молил небеса, чтобы мастерство едущего рядом мечника оказалось на высоте и позволило им обоим выбраться живыми.

Ночь выдалась лунной, звезды редкие, но яркие. Е Вэньтао поигрывал леденцами в руке, выбив из воды почти два десятка затаившихся там людей. Те, кто пытался подплыть к лодке исподтишка, были сражены наповал — он применял беспощадные смертоносные приемы.

Остатки терпения Е Вэньтао за эту дорогу исчерпались до конца. За ним гнались всю дорогу, люди попадались стойкие: стоило их поймать, как они тут же кончали с собой, не давая Е Вэньтао возможности хоть о чем-то расспросить. Раз они ищут смерти, церемониться с ними он не станет. До тех пор пока вещь не окажется на месте, Е Вэньтао не ослабит бдительность.

К Ян Чэну он заглянул по двум причинам: во-первых, искренне хотел поведать его, а во-вторых, чтобы создать ложный след. Кто же знал, что эти убийцы не клюнут — либо слишком умны, либо... ха, они прекрасно знали его истинную цель.

Добравшись до берега, Е Вэньтао снова одарил лодочника серебром, велел тому от греха подальше снять комнату на постоялом дворе, а утром плыть обратно. Получив огромную сумму денег, лодочник позабыл обо всех невзгодах.

Е Вэньтао потребовал коня и помчался в усадьбу во весь опор. У него за пазухой лежало секретное послание, вывезенное из особняка Тяньцэ, допустить ошибку с которым было никак нельзя.

Встретить великого генерала Ли Чэнэня было поистине невероятной удачей.

Е Вэньтао отправлялся в путь ради развлечения, но в итоге все равно выполнил серьезное поручение. Вообще-то ученики Скрытого Меча вечно так поступали: выезжали якобы погулять, а по дороге между делом ухитрялись переделать невесть сколько важных дел. В конце концов окружающие видели в них лишь бездельников, и репутация легкомысленных гуляк прочно закрепилась за кланом Скрытого Меча совершенно незаслуженно.

Пришпоривая коня, он мчался в усадьбу. Несмотря на глубокую ночь, Е Ин еще не ложился. Ли Чэнэнь наказал передать послание лично в руки Е Ину, и Е Вэньтао наконец справился с задачей.

Е Вэньтао давно снекало любопытство: его учитель слеп, и в обычные дни чужие письма ему всегда читали вслух, а устных вестей перепало куда больше, чем письменных. Однако послания от Ли Чэнэня учитель никогда не позволял читать никому другому, да и во время распечатывания конверта рядом практически не было посторонних. Как же тогда он узнавал содержание?

Стоило Е Ину вскрыть конверт и начать шарить пальцами по бумаге, как всё стало очевидно. Даже с расстояния в несколько шагов улавливалась разница: письма были не написаны, а наклеены. Поверхность оставалась неровной, в то время как сама бумага — гладкой. Е Ин распознавал иероглифы наощупь и постигал суть послания.

Е Вэньтао невольно цыкнул языком: надо же, Ли Чэнэнь с виду казался грубым воякой, а чуткости и тонкости ума ему было не занимать.

Е Ин неторопливо разбирал знаки, и его соболиные брови постепенно сходились на переносице, являя невольную властность. Судя по всему, письмо не содержало пустой болтовни о погоде или любовных излияний, и Е Вэньтао тоже понял: дело принимает серьезный оборот.

«Дочитав» послание, Е Ин едва заметно шевельнул рукой, и бумага тут же обратилась в пыль под воздействием внутренней энергии, но сосредоточенное выражение на его лице долго не рассеивалось. Хотя Е Ин постоянно сидел с закрытыми глазами, Е Вэньтао провел под его началом столько лет, что изучил все привычки наставника до мелочей. Сейчас Е Ин сидел абсолютно неподвижно вовсе не потому, что дремал, а потому, что глубоко ушел в раздумья.

Правда, раздумья затянулись настолько, что Е Вэньтао заподозрил, не уснул ли часом наставник, и осторожно подал голос:

— Учитель?

— Угу. — Е Ин очнулся от мыслей. — Вэньтао, не доводилось ли тебе встречать какие-либо трудности в дороге?

Е Вэньтао без утайки рассказал о том, что за ним гнались убийцы. Происхождение этих людей оставалось неясным, их боевые искусства отличались странностью и не походили ни на одну из школ Центральных Равнин. Е Вэньтао мог лишь предполагать, что они чужеземцы, но утверждать что-то наверняка не брался — при всей причудливости и силе у преследователей не нашлось каких-то ярко выраженных отличительных черт.

— Ты натерпелся лишений. Главное — цел и невредим.

— Если у учителя больше нет поручений, ученик посмеет откланяться. Прошу учителя лечь пораньше.

Е Вэньтао уже отдал положенный поклон и собрался уходить, как вдруг Е Ин поднял голову и спросил:

— Не желаешь узнать, что было в письме?

— Учитель, — Е Вэньтао потерял дар речи. — Вы разве еще не изучили моего нрава? Если вы не говорите, значит, меня это не касается, а раз не касается, с какой стати мне ломать голову попусту?

Е Ин одобрительно улыбнулся, и мрак на его челе заметно рассеялся:

— Своего ученика я, разумеется, знаю. И все же, хоть ты только что вернулся, здесь есть дело для тебя. В особняке Тяньцэ заказали крупную партию оружия в Скрытом Мече, ее уже полностью изготовили. Но этот груз нужно вывезти скрытно, стараясь не привлекать лишнего внимания — поезжай-ка ты сам.

Об отправке оружия Ян Чэн упоминал как раз сегодня: он говорил, что собирается в лагерь и по пути как раз возьмет на себя охрану новоиспеченного вооружения. На сердце у Е Вэньтао стало радостно:

— Тогда, учитель, позвольте ученику отправиться в путь вместе с Ян Чэном... то есть, с генералом Ян Чэном? Я сегодня виделся с ним, мы немного выпили, и нам по пути.

— Я рассудил точно так же. Отдохни пару дней, как только люди придут — сможете выступать. Тебе нужно лишь проводить их до центральных районов, до места, где Ян Чэн разобьет лагерь, после чего сможешь повернуть назад.

Там будут еще люди? Е Вэньтао озадачился:

— Учитель, кого мы ждем?

— Ради безопасности я нанял людей из Клана Тан, они должны прибыть завтра. Пусть они тоже отдохнут денек, а послезавтра вы выдвигаетесь.

История с Е Фанем уже наделала много шума, и отношения между Кланом Тан и Скрытым Мечом сейчас были чрезвычайно тонкими. Хотя обе стороны вроде бы во всем разобрались, в дело неожиданно впутался Тан Улэ, из-за чего в Клане Тан остался некоторый осадок. К тому же, не то из-за чувства вины, не то по какой-то иной причине, Тан Сяо Вань пока больше не заговорила речи о свадьбе. Еще более ошеломляющим было то, что Е Фань по возвращении совершенно переменился: от него исходило глубокое, угнетающее чувство меланхолии, и он по молчаливому согласию тоже не упоминал о свадьбе.

Старшие и родственники из обоих кланов лишились дар речи: вы же устроили грандиозный побег на пару через всю страну, да еще пожертвовали жизнью брата невесты! Теперь же, когда все согласилось и препятствия устранены, вы оба ударились в философию и молчите? Издеваетесь, что ли?

Ну просто бессмысленная история.

Раз наняли даже людей из Клана Тан, подготовка велась на совесть. Впрочем, иного и не ждали — это оружие имело первостепенное значение для Тяньцэ. Оставь воинов без клинков, и при первом же мятеже воевать будет нечем, рухнут даже самые неприступные стены.

Е Вэньтао пожелал наставнику спокойной ночи и в прекрасном расположении духа отправился спать домой. Пройдя пару шагов, он вспомнил: а осведомленность-то у учителя отменная! Откуда ему знать, что Ян Чэн собирается ставить лагерь?

<http://bllate.org/book/21111/2142505>